П.В. Башарин, М.С. Киктев

«Повествование о жизни и смерти Гуссейна Мансура Гелладжа» Вл. Соловьева

Публикуемая ниже рукопись на двух страницах с оборотами была обнаружена М.С. Киктевым в рукописном фонде Вл. Соловьева (Ф. 446. Оп. 2. Ед. хр. 22. С. 2858–2869). Источник представляет собой перевод Соловьевым жития ал-Ḥаллāджа, по всей видимости, с некоего французского переложения. Работая на очерком «Магомет. Его жизнь и религиозное учение», Соловьев обратился за помощью к В.Р. Розену, который рекомендовал ему последнюю научную литературу по жизни Мухаммада, раннему исламу и истории Корана. В частности, Соловьев ознакомился с трудами К. де Персеваля, Ю. Велльхаузена, А. Мюллера, А. Шпренгера, Х. Гримме[1].

То, что наряду с Мухаммадом, жизнеописание которого он закончил, видимо, до этого, он заинтересовался ал-Ḥаллāджем, скорее всего, не случайно. Уже ко второй половине XIX в. личность известного суфия привлекла внимание ряда востоковедов. То, что исследовательская традиция заинтересовалась им довольно рано, сразу после того, как его имя было обнаружено в арабских источниках, обусловило колоссальное значение его личности в истории суфизма. Дабы очертить весь круг источников, перечислим все исследования, упоминающие жизнь ал-Ḥаллāджа, которые гипотетически мог привлекать Соловьев: Э. Покок, А. Мюллер, Б. д'Эрбело, (XVII), А. де Мариньи, И. Райске (XVIII), С. де Саси, Ж.Б. Руссо, Дж.В. Грэхэм, Дж. Малкольм, Ф.А.Д. Толук, Рампольди, Т. Хаарбрюкер, Й. Хаммер-Пургшталь, Дж.Ф. Джонс, В. Нассау-Лиз, А. де Гобино, А. фон Кремер, Й. Гарсин де Тасси, П. Лярусс, Г. Дюга, Р. Осборн (XIX)[2].

Одно из первых упоминаний об ал-Ḥаллāдже нем встречается в переводе Ферагиуса из Салерно (XIII). Его имя стало известным в среде ориенталистов XVII — начала XIX в. благодаря началу интенсивных переводов арабо-мусульманских исторических сочинений, которые часто упоминали неординарного суфия. Первым ученым, заинтересовавшимся им, был, види-

1 | Список литературы, использованный Вл. Соловьевым см.: [Соловьев, 1995, с. 136].

2 | Будем исходить из того, что свой текст он мог написать вплоть до 1879 г. — года своей смерти. Список работ см: [Massignon, 1922. 59*–65*]. Из этого списка нами исключена каталожная информация, пользоваться которой и обрабатывать ее мог только востоковед.

мо, Э. Покок. Венцом этого интереса стала статья в знаменитой *Восточной библиотеке* Б. д'Эрбело, целиком посвященная ал-Ḥаллāджу [d'Herbelot, 1726, p. 392b–394a].

Однако его «открытие» для Европы принадлежит Ф.А.Д. Толуку, протестантскому теологу. В своем опусе *Ssufismus sive theosophia persarum panteistica* (*Суфизм или пантеистическая теология персов*), трактате, вышедшем в 1821 г. в Берлине, Толук назвал ал-Ḥаллāджа самым прославленным суфием (inclytissimus) «по славе и судьбе», «публично устранившим с глаз завесу пантеизма» [Tholuck, 1821, p. 86].

Уже в мусульманской традиции харизма ал-Ḥаллāджа привлекала гораздо больше интереса, чем его оригинальные идеи. В связи с этим изначально ученые интересовались исключительно фигурой суфия и оценкой его деятельности. Так, еще И. Райске считал суфия еретиком и святотатцем [Reiske, 1753–1790, 2, p. 338f–343, 745–747].

В XIX в. востоковедение занималось в большей мере выявлением истоков суфизма, нежели изучением этого явления как такового с упором на анализ оригинальных текстов. В связи с тем, что суфизм считали продуктом христианского, либо индийского влияния, это же влияние стали приписывать ал-Ḥаллāджу. Первым о христианском влиянии заговорил еще в XVII в. Б. д'Эрбело[3].

А. фон Кремер выводил учение ал-Ḥаллāджа из индийской философии и даже считал, что знаменитое *анā-л-Ḥаḳḳ* («Я есть Истинный») связано с *ахам брахмāсми* («Я есть Брахман») *Упанишад* [Kremer, 1868, S. 70–78].

Более пристальное изучение личности и доктрины суфия началось только с конца XIX — начала XX в., эпохи, которой Соловьев уже не застал.

Ко второй половине XIX в. реальная биография ал-Ḥаллāджа, обросшая плотным массивом легенд, была плохо изучена, вследствие слабой разработки источниковедческой базы. Ко времени появления черновика Соловьева на европейские языки были переведены некоторые источники, в большей или меньшей степени упоминавшие ал-Ḥаллāджа и его учение. Среди них Закарияйа ар-Рāзӣ (лат. пер. Феррагиуса из Салерно (XIII) и пересмотр Иеронима Суриты (Зуриты) (XVI), Джирджӣс ал-Макӣн (лат. пер. Т. Эпениуса, англ. пер. с лат. С. Перчеза и франц. пер. П. Ваттье), Бар Эбрей (лат. пер. Э. Покока), Ибн Шӣḥна (франц. пер. А. Галлана), Ибн Туфайл (англ. пер. С. Оклея) Абӯ-л-Фидā (лат. пер. И. Райске), Ибн Ḥауḳал (англ. пер. В. Оузлея), Ḫӯндемӣр (Ḫванд Амӣр) (англ. пер. Д. Прайса), Ибн Ḫалликāн (англ. пер. Й. Мак Гакина, де Слэна), Ибн Ḫалдӯн (франц. пер. Й. Мак Гакина, де Слэна), Дихдар Фāнӣ (англ. пер. А. Тройера), Ḫаджжӣ Ḫалӣфы (лат. пер. Г. Флюгеля), Ḫāфиз (нем. пер. В. фон Розенцвейга Шваннау) [Massignon, 1922, p. 59*–65*]. Наибольшей известностью пользовались сведения из сочинений Бар Эбрея, Абӯ-л-Фиды, Ибн Ḥауḳаля, Ḫӯндемӣра, Ибн Ḫалликāна, Ибн Ḫалдӯна.

Однако текст Соловьева демонстрирует знакомство автора не с перечисленными источниками, являющимися в большинстве своем исторически-

3 | Позже тайным христианином его считал А. Мюллер. Концепция влияния христианства на ал-Ḥаллāджа получила признание вплоть до А. Меца и Р. Арнальдеца [d'Herbelot, 1726, p. 392b–394a; Müller, 1887, S. 242; Мец, 1996, с. 283–287; Arnaldez, 1964].

ми хрониками, а с суфийской агиографической литературой, неизвестной в то время европейскому читателю. В нем он предстает уже не как персонаж хроник, но как суфийский святой.

Структура текста такова:

1. Славословие.

2. Указание места рождения ал-Ḥаллāджа, описание наук, изученных им с детства и процесса поиска истинного знания.

3. Встреча с греческим мудрецом, ставшим его наставником.

4. Возвращение в Багдад, раздача имущества беднякам, обвинение в безбожии и изгнание в Балх.

Далее текст, к сожалению, обрывается.

Данная композиция исключает знакомство Соловьева с переводами исторических хроник, поскольку описание этого периода жизни ал-Ḥаллāджа в них выглядит совершенно иначе. Вот какие сведения можно почерпнуть из них: Абӯ-л-Муғīṯ ал-Ḥусайн б. Манṣӯр ал-Ḥаллāдж родился в 244/858 г. в селении Байḍā’ в провинции Фарс на юге Ирана. Дед его был зороастрийцем. Через несколько лет после рождения сына его отец с семьей переехал в г. Вāсиṭ на реке Тигр. Позже он перебрался в г. Тустар и стал учеником Сахля ат-Тустарī — наиболее популярного в то время суфийского шайḫа. Борясь с греховным началом, юный ал-Ḥаллāдж следовал путем бегства от мира — жил в бедности и строгом воздержании в пище. В 18 лет ал-Ḥаллāдж переехал в Басру, где стал учеником ‘Амра ал-Маккī. От него же он получил суфийское рубище — *ḫирḳу*. Тогда же он пытался встретиться с ал-Джунайдом. Однако тот не принял ал-Ḥаллāджа. В 26 лет, сразу после восстания зинджей, ал-Ḥаллāдж совершил первое паломничество в Мекку — ‘*умру*. Целый год он провел в посте, воздержании и уединении. После возвращения из Мекки ал-Ḥаллāдж в сопровождении группы сторонников приехал в Багдад и встретился с ал-Джунайдом. Но тот не стал отвечать на его вопрос, посчитав, что суфий преисполнен амбиций. К этому же периоду относят его знаменитое высказывание — *Анā-л-Ḥаḳḳ* («Я есть Истинный = Бог»). После возвращения ал-Ḥаллāдж решился на публичную проповедь, вызвавшую резкое недовольство шайḫов, опасавшихся гнева традиционалистов фаḳихов. В этот же период происходит полный разрыв с ‘Амром ал-Маккī и прочими шайḫами Басры, со стороны которых появляются обвинения в колдовстве, мошенничестве, неверии (*kufr*) и ереси (*zandaqa*). После этого ал-Ḥаллāдж на два года уехал в Тустар. Так произошел полный разрыв с официальным суфизмом. Надев простой солдатский халат (*qabā’*), он отправился в странствие по Хузистану, Хорасану и Мавераннахру. Это путешествие длилось пять лет.

То, что Соловьев опирался на агиографическую литературу, демонстрирует уже эпитет, применяемый в его тексте к ал-Ḥаллāджу, — «блаженный».

В соловьевском варианте прослеживается влияние двух протографов, во-первых *Таẕкират ал-аулийа’* Фарīд ад-Дīна ‘Аṭṭāра (513/119–627/1230). Оно включает первое сохранившееся житие ал-Ḥаллāджа, носившее законченный характер (до этого были только легенды) и построенное по всем

законам жанра. Центральной идеей жития является соположение явного и сокрытого в фигуре ал-Ḥаллāджа: с одной стороны, он произносит разъяснительные проповеди, с другой — облекает их в двусмысленную форму. Именно на его переложение и опирался Соловьев. Это подтверждает вступление к тексту, являющееся переводом стихов ʿAṭṭāра, предваряющим житие[4].

Основной мотив дошедшего до нас отрывка — попытка привязать ал-Ḥаллāджа к греческой мысли. Фигура наставника грека не встречается ни в одной из известных легенд. Однако, по крайней мере с конца XIII в., наблюдается попытка привязать суфия к античной традиции. Для оправдания ал-Ḥаллāджа и интереса к его учению необходимо было доказать принадлежность его к иной интеллектуальной традиции, противопоставив официальной, негативной точке зрения альтернативный, полновесный проект, и реабилитировать его в глазах ученой публики. Группа философов, знатоков греческой мудрости решила отнести его идеи к античной традиции. Впервые об этом заговорили на западе мусульманского мира — в Андалусии. К греческой традиции ал-Ḥаллāджа причисляли Ибн Саб‘ӣн (ум. 669/1270) и его ученик аш-Шуштарӣ (610/1212–668/1269). Была сформирована модель, согласно которой ал-Ḥаллāдж наряду с такими философами и суфиями, как Ибн Сӣнā, Ибн Рушд, ал-Ġазāлӣ, ас-Сухравардӣ, Ибн Масарра, аш-Шиблӣ и др. входил в один ряд с Гермесом, Сократом, Платоном, Аристотелем и др. Таким образом, его доктрина воплощения была признана разновидностью неоплатонических построений [Massignon, 1969, p. 419][5].

Также нигде не говорится о раздаче имущества беднякам ал-Ḥаллāджем. Для сравнения, подобная легенда существовала относительно ʿAṭṭāра, отдавшего свою лавку на разорение толпе.

Таким образом, источником для Соловьева мог стать текст, основанный на переводе или пересказе нескольких агиографических или апокрифических текстов. Несмотря на то что на данный момент вопрос об атрибуции этого текста остается открытым, интерес представляет именно его наличие, позволяющее по-новому взглянуть на представление о суфизме в Европе до XX в. В связи с отсутствием сведений о наличии переводов подобной литературы можно думать, что она получила распространение не через академические научные круги, но через круги, связанные с «религиозным традиционализмом» в формулировке Р. Генона и эзотеризмом, интересовавшимся восточной мистикой, в том числе и суфизмом, литературная продукция которых до сих пор не стала предметом критического научного изучения со стороны востоковедов.

4 | О формировании жития ал-Ḥаллāджа в мусульманской традиции см.: [Башарин, 2008].

5 | Данная парадигма могла быть сформирована и раньше в рамках альмерийской традиции, представителем которой был Ибн Масарра. Позже ас-Сухравардӣ (539/1145–632/1234) развил эту доктрину: он возвел свою философию к Гермесу, который дал начало двум ветвям. Восточную ветвь составляют легендарные первые цари Ирана (Пӣшдāдиды) — Кайумарс, Фаридӯн, Кай-Ḫусрау и пророк Заратуштра. Их идеи восприняли суфии экстатического толка: ал-Бисṭāмӣ, ал-Ḥаллāдж, ал-Ḫараḳāнӣ. Западная ветвь включает греческих мудрецов и носителей античной мудрости в исламе: Асклепия, Эмпедокла, Пифагора, Платона, Ẕӯ-н-Нӯна ал-Миṣрӣ, Сахля ат-Тустарӣ. Модификации этой парадигмы встречаются в наследии приверженцев его доктрины мудрости озарения (ḥikmat al-išrāq) [Башарин, 2008, с. 47–48].

ЖИТИЕ БЛАЖЕННОГО ГЕЛЛАДЖА

л. 1:
Повествование о жизни и смерти Гуссейна Мансура Гелладжа да благословит Всевышний драгоценную его душу

Сей умерщвленный на стезе Божией, сей лев в лесу истинного познания, сей верный и мужественный борец, сей в бездонной глубине мужества потонувший Г.М.Г. — да святится в Боге великая душа его — имел в своей жизни немало странных и удивительных приключений[6].

Родом он был из Фарсистана из деревни Беид. От первых лет юности своей изучал он с великою

л. 1 об:

ревностью геометрию, астрологию, физику и медицину, но, окрепши разумом, перестал находить удовлетворение в вещественном знании и воспылал желанием, освободившись от оков формы, проникнуть в область чистого духа. Много прославившихся своими философскими школами городов посетил он, ища достойного вождя на пути к истине, но все знаменитые шейхи казались ему заблудившимися в большом лесу путниками, которые по незнанию настоящей дороги кружатся на одном и том же месте, думая, что идут вперед. Однажды, будучи в Багдаде, вышел он в час солнечного заката за городские ворота и шел один по полю в грустном размышлении о тщетности своих исканий. Вдруг, поднявши голову, увидел он

л. 2:

пред собою человека в греческой одежде, который подойдя сказал ему: «Какую цель имеешь ты в своих исканиях на высотах знания и в долине действия?» «Цель моих стремлений, — отвечал блаженный Гелладж, — есть познание о причинах всего существующего и жизнь, сообразная законам правды». «Это все только поверхность, только поверхность», — возразил незнакомец. «Что же под нею?» — спросил Мансур. «Только полное совершенное соединение с познаваемым называю я познанием», — отвечал неизвестный и прибавил следующие строки древнего Сенаджи:

Только то предпочту я невежеству знание;
Что от уз бытия мне свободу дает[7].

Эти слова столь сильно поразили блаженного, что он провел всю ночь неподвижно

6 | Перевод вступления к житию ал-Ҳаллāджа ʿАṭṭāра:
Убиенный раб Бога на пути к Богу;
лев в чащобе поисков истины, муж отважный, бесстрашный,
искренний в море бурлящем
Хусайн Мансур Халладж,
да будет с ним милость Божия! [ʿАттар, 1998, с. 144].

7 | Видимо, стихи Санā'ӣ (437/1045–6–525/1131).

л. 2 об:

в глубоких размышлениях. Вернувшись же на другой день в Багдад, он роздал наследство отца своего бедным и, оставив мирскую жизнь и внешнюю науку, стал учить о полном воссоединении с Богом или обожествлении. Будучи же обвинен за это в безбожии и изгнан из Багдада, удалился в Балх[8].

8 | Имеются в виду обвинения в приверженности доктрине воплощения (*ḥulūl*) и притязании на Божественное господство (*rubūbiyya*). Данные обвинения прозвучали впервые, видимо, намного позже, в конце 912 г. со стороны наместника г. Суса ʻАлӣ б. Аҳмада ар-Рāсибӣ, где суфий был арестован с группой преданных учеников [Ibn al-Jawzī, 1358/1939. 6, ṣ, 112; al-Ḥamādanī, 1958, ṣ, 299; Massignon, 1922, 1, p. 229.]

Список источников и литературы

ʿАттар. *Поминание Хусайна Мансура Халладжа* / Рейснер М.Л., Чалисова Н.Ю. «Я есьм Истинный Бог»: образ старца Халладжа в лирике и житийной прозе ʿАттара // *Семантика образа в литературах Востока*. М., 1998.
Башарин П.В. К проблеме оформления жития ал-Ҳаллāджа / *Рахмат-нама*. *Сборник в честь 70-летия Р.Р. Рахимова*. СПб., 2008. С. 47–49.
Мец А. *Мусульманский Ренессанс* / Пер. с нем., предисл., библиогр. и указатель Д.Е. Бертельса. 3-е изд. М., 1996.
Соловьев В. Магомет. Его жизнь и религиозное учение // *Будда. Конфуций. Магомет. Франциск Ассизский. Савонарола. Биографические очерки.* (Жизнь замечательных людей. Библиографическая библиотека Ф. Павленкова). М., 1995. С. 133–210.
Arnaldez R. *Hallaj ou la religion de la croix.* P., 1964.
al-Ḫamādanī, Abū-l-Faḍl Muḥammad b. ʻAbd al-Malik b. ʾIbrāhīm. *Takmila ta'rīḫ aṭ-Ṭabarī* / Ed. by A.Y. Kana'ān. Beirut, 1958.
D'Herbelot B. *Bibl. orientale.* 3 ed. P., 1783.
Ibn al-Jawzī, Abū-l-Farāj ʻAbd ar-Raḥmān b. ʻAlī. *Al-Muntaẓam fī ta'rīḫ al-mulūk wa-l-umam*. 6. Beirut, 1358/1939.
Kremer A von. *Geschichte der herrschenden Ideen des Islam.* Leipz., 1868.
Massignon L. *La passion d'al-Hosayn ibn Mansour al-Hallaj, martyr mystique de l'Islam execute à Bagdad le 26 Mars 922*. 1–2. P., 1922.
Massignon L. *Opera minora. Textes recuelles classes avec bibl. par Y. Moubarac*. 2. P., 1969.
Müler A. *Der Islam im Morgen und Abendland.* 2. Leipz., 1887.
Reiske J.J. *Abulfedae Annales Muslemici*. 1–2. Leipz.–Copenhague, 1753–1790.
Tholuck F.A.D. *Ssufismus sive theosophia persarum pantheistica*. B., 1821.